

УДК 101:316

Г.Х. Мямешева*, А.А. Мусалин

История: Другой взгляд и взгляд Другого

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*E-mail: gal.ant_1983@mail.ru

Аннотация. В статье история рассматривается через призму Другого взгляда и взгляда Другого. Раскрываются понятия «история», «взгляд», «другой». Дается концепция монументальной, антикварной и критической истории Ф.Ницше. Выявляются классические и постклассические концепты Другого, теория окулоцентризма западного рационализма. Посредством этих теорий и понятий позиционируется история Степи, новая хронология, принципы социального теоретика. Другой взгляд затрагивает проблему достоверного/недостоверного в истории, истории/ литературы, внешнего/внутреннего. Взгляд Другого – это диалог новой/традиционной хронологии, историка/ философа, логика/ сенсорика.

Ключевые слова: история, социум, личность, окулоцентризм, западный рационализм.

Нужна ли нам история в современную эпоху, когда человечество неотвратимо идет к «глобальному человекиннику» (А. Зиновьев), стираются не только интеллектуальные, но и экономические границы, происходит интернационализация мира? Нужна ли история молодежи, которая живет здесь и теперь по другим ценностным сценариям? Нужна ли ей историческая память? Что же такое история? Наука о жизни и развитии общества, или наука, изучающая прошлое человеческого общества? Наука о прошлом или наука о будущем? [1, с. 26-60]. Что несет собой история: добро или зло, пользу или вред? Прежде чем разобраться в данных вопросах, рассмотрим понятия «История», «Другой», «Взгляд».

1. История. Блестящий знаток классики и ее традиций и один из ее первых критиков великий Ф. Ницше считал, что да, безусловно, жизни нужна история, но в определенных пропорциях, без избытков, ибо последние приносят непоправимый вред. Нужно, как говорил А.К. Секацкий, соблюдать дозировку правды [2].

Подобно тому, как память является одной из неотъемлемых характеристик человека разумного, так и историческая память – характеристикой человека в социуме, личности, социального человека. Ф. Ницше говорил, что человек является деятельным и стремящимся существом, поэтому ему нужна монументальная история. Как охраняющее и почитающее существо человек нуждается в антикварной истории, а как страждущее и жаждущее свободы – в критической истории. Деятелю необходимы образцы, учителя, утешители. Цель жизни деятеля – счастье других или свое. Великое,

монументальное должно стать вечным, а все другое – второстепенно. Все монументальное иконически истинно. Духом, пронизывающим деятеля, выступает твердая уверенность, что раз великое было единожды возможно, значит, возможно и его повторение. Данная полная истинность появляется за счет сближения, обобщения и отождествления разнородных элементов посредством абсолютизации тождества-собирания «эффектов в себе», «эффектных событий» и игнорирования различий побуждений, мотивов. Таким образом, получается причудливое сплетение причин и следствий [3, с.159-167]. Это очень напоминает ситуацию, которую Р.Барт назвал «эффектом реальности»: мы верим не фактам, а правдоподобным картинкам, удачным и эффективным презентациям времени [4]. Деятель живет по принципу: «Смотрите, великое уже существует!» И, если он желает создать что-то великое, он обращается к прошлому, как к монументальной истории.

Если же человек живет в пределах привычного и освященного преданием, ему нужна история как антиквариат. Правда, здесь статус вечных ценностей обретает не великое (образцы, модели, герои), а мелкое, ограниченное, устарелое. Консерватизм, благочестие, благоговение, психология «мы» господствует над психологией «я». Это истинно историческое чувство – чувство корней. Вещи, дом, город – непреходящие ценности. Здесь происходит отождествление прошлого и старого, что может привести к вырождению, ибо жажда новизны и любознательность вытесняются любопытством к старому и всезнайству. Антикварная история способна только сохранять жизнь, но не

порождать ее, парализует силы деятеля, носится с обломком старины (обычаем отцов, политической привилегией, религией), как чем-то бессмертным [3]. Ярким свидетельством чему стала такая разная арабская весна 2011, разные варианты одного сценария борьбы нового со старым приобретает различные конфигурации и оттенки в связи с «известной почвой и известным климатом».

Критическая история предназначена служить жизни, поэтому она судит прошлое, допрашивает и выносит приговор, пытается излечить жизнь от исторической болезни – переизбытка истории. По Ф. Ницше, прошлое должно быть здоровой пищей. Он предлагает 2 лекарства от исторической болезни, 2 естественных противоядия от заглушения жизни историческим: неисторическое и надисторическое. Неисторическое – это искусство забывать внутри ограниченного горизонта, а надисторическое – это искусство и религия – силы, придающие бытию характер вечного и неизменного, отвлекая внимание от процесса становления. Поскольку жизнь – это высшая, господствующая сила, то учение о гигиене жизни утверждает эту истину. Излечившись от исторической болезни, люди вновь станут людьми, а не человекоподобными агрегатами, станут жить, а не лицедействовать в декорациях жизни, будут правильно использовать 3 подхода к истории и не будет ненужной критики, пиетета перед антиквариатом, неспособного к великому знатока великого [3, с. 210-230]. Все эти подходы гармонично объединил своим определением истории известный французский историк, представитель школы Анналов Марк Блок, назвав ее «наукой о людях во времени» [5, с. 29]

2. Другой. Классическая трактовка Другого как Иного моего Я проистекает из Гегелевской философии тождества. В то время как постклассический подход базируется на принципе различия, Другой рассматривается как некая самостоятельная структура, не привязанная к Я. Вариаций классического подхода существует несколько: Другой как другое сознание Х. Ортега-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, Гуссерля; Другой как ближний М. Бубера, Другой как условие, возможность Я, диалог с Другим М.М. Бахтина, С.Л. Франка; Другой как участник жизненного мира и коммуникаций Ю. Хабермаса. Постклассический подход конструирует Другого как структуру, как взгляд на мир через Другого Ж. Делеза, Ж. Лакана, М. Фуко.

В нашем исследовании нам будут необходимы как классический, так и постклассический подходы.

3. Взгляд. Как отмечает известный отече-

ственный мыслитель Б.Г. Нуржанов, вся западная культура, начиная с Древней Греции и до наших дней, определяется как визуальная культура «окулоцентризм». Парадигма зрения, визуальности – важнейшая характеристика современной эпохи. Ж. Бодрийяр, например, считает, что современная (постсовременная) культура гиперреальна, симулятивна, порнографична. Тотально господствующий взгляд упраздняет дистанцию между зрителем и объектом, ликвидирует сценическое пространство, которое охраняло объекты от глазения, голого видения, делая мир доступным зрительному восприятию, обнажая и раскрывая самые скрытые и интимные вещи. Современная культура является культурой превосходства визуальных форм – кино, телевидения, видео, компьютера. Необходимо учесть также, что оптическая метафора, термины зрения тесно связаны с философией мышления. Философия изначально объявляет приоритетным видение, нежели слушание. Эта традиция берет начало у Платона [6, с.103-104].

Отталкиваясь от философии тождества, рассмотрим Другого как другое сознание, как Другой взгляд в историческом и «геофилософском» ключе. Известно, что до XVIII века существовала единая историко-филологическая наука. В то время не было методологий естественнонаучного и социогуманитарного познания, поэтому Г.Ф. Майер, Х. Вольф, А. Бек, Ф. Аст предложили понимание как частный метод толкования текстов истории и филологии. Кроме того, до конца XVIII века не было научной историографии, существовали только античная и теологическая историография. Век, ориентированный на разум, видит историю в модусе будущего, между прошлым и настоящим нет нитей преемственности, будущее зависит не от истории, а от истин разума [7, с.14-15]. Существование объективного исторического опыта – представления людей прошлого о своем мире [8, с. 367] никого тогда не интересовало, поэтому свидетельства реальных участников событий могли быть подвергнуты фальсификации и коррекции. Так, после «очистки» и «пересмотра» писатель XVIII века, предфрейдист Джакомо Казанова превращается в театральную персонаж, смешную марионетку и глупца, а подлинный текст его «Истории моей жизни» выходит в свет только в 1960 году [9]. То есть с появлением научной историографии традиции фальсификации и мистификации истории, идущие от эпохи Возрождения, не исчезают, а обретают иные формы. Чем «очистка» и «пересмотр» текстов в XIX веке отличаются от создания «эффектов реальности» писателей, воспроизводящих в своих произведе-

ниях историческую эпоху? Там ставка делается на антиквариат – старинную, характерную вещь как «живое» свидетельство той эпохи. Чем рерайтинг отличается от литературного творчества, использующего правильные тропы, фигуры и т.п.? Того же поля ягода фальсифицированная история философии.

И зачем нужны такие «исторические» документы как «Протоколы сионских мудрецов», которые не только не написаны этими мудрецами, но и далеки от истины? Это далеко не исторический документ, содержащий материалы заседаний сионистов в Базеле в 1897 году, представляющий собой план еврейского мирового господства на развалинах христианской цивилизации. Подложность документа установил в 1912 году английский журналист Ф. Грейвз, увидевший в нем близкое родство с сатирой Мориса Жоли на Наполеона III: «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье» (1864). Русский историк В.Бурцев доказал, что «Протоколы» – это подделка, которую царская охранка сделала на основе сатиры Жоли, новеллы «Биарриц» немецкого писателя Германа Гедше (1868) и других источников. И только в 1935 году суд в Берне объявил «Протоколы» фальшивкой [5, с. 53; 236], [10, с.13]. Зачем реальное смешивать с правдоподобным?

Ведь с античности реальность принадлежала сфере истории, противопоставлялось ей противоположное – правдоподобие: внутренний порядок повествования – подражание и поэзия. Правдоподобие связано с мнением толпы, это проговаривание и описание вещи, а не вещи сами по себе. Это общее, а не частное (чем занимается история), есть неявный почин, где противоположные элементы не исключают друг друга, чего не терпит реальная история. Реальность превращается в общую категорию, здесь нет означаемого, оно изгнано. Реалистичным становится означающее (конкретная деталь), весь текст пестрит такими деталями, рождая референциальные иллюзии, эффект реальности – скрытое правдоподобие. Так строится новый реализм, новая литература [4, с. 398-400].

И это происходит не только в литературе, но и во всей визуальной реальности: в кино, видео, телевидении, компьютерах. Искусство как иллюзион дает иллюзию движения, эффект движения, создавая новый тип письма, ведущий к смерти и литературы, и живописи, поглощая и обесмысливая их. Поскольку движение является отражением живой жизни, то правдоподобие жизни создается посредством иллюзии движения. Так реальность кино – иллюзорная реальность, превращается в большую реальность, чем сама реальность, вос-

питываемая, приобщая человека к ценностям, стереотипам классов, рас, наций, находящихся у руля кинопроизводства [11, с. 288-309].

Интересная идея, что география в школе выполняет ту же познавательную и генерализующую функцию, что и философия в вузе, звучит в одной тональности с «геофилософской» парадигмой Ж. Делеза. Действительно, если познание мира осуществляется посредством реального, внешнего, экстенсивного путешествия, то познание человеком себя происходит через внутреннее путешествие к себе. Однако в любом случае для любого познания, любого путешествия необходимо Зеркало, необходим Другой как иное тебя, иное твоего мира. Согласно концепции А. Назаретяна, появление человеческого общества тесно связано с рождением протоморали, обусловленное противопоставлением Мы и Чужие. Мы – это наш собственный взгляд на себя, самосознание. Чужие – это взгляд на нас со стороны, который может быть не только доброжелательным, но враждебным и опасным. Например, если в менталитете многих европейских стран заложен страх сглаза черным глазом, то в арабских странах такой страх существует перед голубыми глазами, поскольку он считается признаком дурного человека, признаком коварства и обмана. В формате парадигмы, культуры насилия этот момент: чужие-враги хорошо «работал» в стане антисоветчиков и антикоммунистов, тщательно изучавших врага, чтобы знать его слабые стороны. Однако, как отмечалось ранее, кроме этой линии, всегда существовала и другая линия, связанная с познавательными потребностями человека, желающего познать мир и людей, удовлетворить свое любопытство и расширить кругозор, горизонты знания.

Оригинальная идея познать степную цивилизацию собственными глазами и глазами извне нашла свое живое воплощение в книгах, написанных самостоятельно или коллективно под руководством известного казахстанского мыслителя А.Х. Касымжанова «Портреты: Штрихи к истории Степи» и «Портреты: Степь глазами извне. От Геродота до Гумбольдта». В них история Степи дана в духе М. Блока: история «о людях во времени». А.Х. Касымжанов пытается возродить простой голос правдивости, честности без идеологических и моральных рефлексий, без псевдопатриотизма, без сомнений и самоуничтожения. Через личность, ее мотивы, идеалы без глянца и ретуши, без очернения и замалчивания можно увидеть живую человеческую историю – историю в лицах [12, с. 3-6]. Взгляд на Степь глазами чужестранцев, взгляд со стороны ценен тем, что-

бы не поддаться гордыне или самоуничтожению, чтобы не «прельститься чужими дарами», ценностями, нормами, чтобы избежать обезьяньего подражания «западному», простому заимствованию «чужой одежды» [13, с. 3-5]. Если Другой взгляд проистекает из парадигмы тождества, то взгляд Другого укоренен Различием. Через эту призму посмотрим на историю глазами Другого.

Другой может явиться нашему взору в разных обликах. Это может быть встреча сторонников и противников новой/альтернативной и традиционной хронологий, диалог историков и философов, подходы разных ТИМов. Если рассмотреть позиции разных ТИМов, например логика и сенсорика, то увидим следующую картину. Выдающийся немецкий философ-рационалист Г.В.Ф. Гегель (1770-1831), логико-интуитивный интроверт (ЛИИ) выстраивает лестницу победоносного шествия всемирной истории как поступательного движения мирового духа, разума. К развитию духа причастны не все, а только исторические народы. Всемирная история, по Гегелю, начинается с Востока, Азии, прежде всего в Китае, Индии, Персии, Египте. Далее историческая инициатива переходит к Греции и Риму, а в XVIII веке – к Германии для «осуществления абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы» [14, с.181-200]. Позитивно окрашенную картину истории, но сделанную по-своему и оригинально, подарил миру собрат Гегеля по квадрате Романтиков, блестящий мастер исторического романа, известный французский писатель А. Дюма (отец), сенсорно-этический интроверт (СЭИ) [15, с. 212]. Он видит историю как любовный роман с различными вариациями, в котором история войны или мира Франции и Англии решается подвесками королевы Анны Австрийской и отвагой и смелостью благородной четверки мушкетеров.

Образ мушкетеров как галантных рыцарей и кавалеров, изящных дуэлянтов, легких на подъем французских дворян со шпагами, главным оружием которых была честь, а не мушкет или шпага, созданный А. Дюма, вытесняет тех реальных мушкетеров, которые жили и защищали свою страну в то время. В действительности мушкетеры были тяжелыми пехотинцам с мушкетами (маленькой пушкой), сошкой, подсумкой для шаров-пуль, сумкой с порохом для зарядки и многой другой необходимой амуницией, что для шпаги-то и места свободного не оставалось.

А если вспомнить модель мы-чужие, то становится ясным, почему в глазах французов англичане совсем не рыцари, в отличие от первых. Это не рыцари англичане сожгли 19-летнюю француженку Жанну Д'Арк, которая с мечом в руках спасла

Францию от английской оккупации, а галантные соотечественники продали ее извергам англичанам за мешок золота. Факты – вещи серьезные. А они говорят, что во время кораблекрушений не пылкие и галантные французы, а холодные англичане и сухие немцы спасают женщин и детей, погибая вместе со своими кораблями, в то время как первые бросают на тонущих кораблях детей и женщин, спасая себя [16, с. 5-10]. Хотя для социального анализа ничего удивительного здесь нет, поведение прогнозируется заранее. Логика англичане (Штирлиц, логико-сенсорный экстраверт) и немцы (Максим, логико-сенсорный интроверт) действуют стереотипно, соблюдая этические нормы и установки, которые выработаны культурой. Кроме того, в экстремальной, стрессовой ситуации «включают»: кто структурную (англичане), кто деловую (немцы) логику и думают не о себе, а о решении задачи.

Диалог историков и философов можно представить как коммуникацию конкретно-научного и методологического (философского) знания. С помощью работ М. Блока мы можем понять, каким разным было западное Средневековье и почему именно в то время появились первые университеты. Изучая труды Ф. Ницше, мы постигаем другое: кому и зачем нужна история? Он помогает нам понять, что за неразвитостью стран, которых охватила арабская весна 2011 года, стоят монументальная и антикварная история. Монументальная история (пирамиды) «кормит» Египет, а антикварная история (ислам) позволяет держать народ в повиновении.

Особый интерес представляет собой альтернативная, новая хронология, которая противопоставляется традиционной, скалигеровской, разработанная учеными-математиками МГУ им. М. Ломоносова А.Т. Фоменко и Г.В. Носовским. Продолжая идеи И. Ньютона, академика Н.А. Морозова, используя математический метод изучения истории, они пришли к выводу, что традиционная, общепринятая, скалигеровская хронология истории Древности и Средневековья, принятая в XVI-XVII веках, ошибочна. Она базировалась на Римской хронологии, которая в свою очередь опиралась на «Альмагест» Птолемея.

Метод математического анализа текстов-хроник осуществлялся посредством методики распознавания текстов, описывающих одни и те же события, методики датирования, методики распознавания династий, методики обнаружения дубликатов и упорядочивания событий, методики анкет-кодов [17, с. 177-178], [18]. Так обнаруживается совсем ДРУГАЯ история. По мнению А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, история

Древних Египта, Рима, Греции, Сирии, Израиля – это история одной средневековой цивилизации. Древняя цивилизация зародилась в X веке н.э. в Средиземноморье (в едином центре). Наша история УКОРАЧИВАЕТСЯ на 50 ВЕКОВ. В XI веке появляется И.Христос (его жизнь и распятие) и христианство. Буддизм возникает в XV веке как один из вариантов первичного христианства, а также иудаизм. В XIV веке появляется Русь = Ордынская Великая империя. Ее называли Монгольской империей. То есть монголо-татарского ига не было в истории. Мегалион (с греч.) – великий. Иностранцы называли Русь Монголией, как перевод русского слова «Великий». Монгольская империя=Русь=Орда – это Средневековая Русь. Ее основоположник ростовский князь Георгий Данилович=Рюрик=Юрий Долгорукий=Мстислав Удалой= Георгий Всеволодович. История России фальсифицирована до 1613 года, до прихода к власти Романовых. Первые хроникеры истории появились в Европе не ранее V-VII веков.

Не избежала различного рода фальсификаций и философия. Даже в начале XV века имя философа Платона не было известно. Первый перевод диалогов сделал Бруни в 1421 году, но оригиналов так и не нашли. В 1482 флорентийский философ Марчелло Фичино дал латинскую рукопись «Диалогов» как свой перевод греческой рукописи. Там были шероховатости, описания не свойственные древней эпохе. В 3 м издании они были устранены. Греческую рукопись Платона Фичино не показывал, она исчезла. Только в 1512 году Марк Азур представил греческий текст сочинений Платона. Одним из последователей Платона был александрийский философ Плотин, а в эпоху Возрождения в Европе – греко-византиец Плетон. ПЛАТОН, ПЛОТИН, ПЛЕТОН. А не одно ли это лицо? Фоменко А.Т. считает, что египетские пирамиды – город мертвых, царское кладбище всего мира, единое кладбище для огромной Великой(Монгольской) Русской империи, где хоронили ее великих людей. Фараонами называли не живых властелинов Египта, а царственных покойников империи. Вот почему философия Египта – культ мертвых [17].

Неопровержимым доказательством того, что «Древний» Египет появился не раньше Средневековой цивилизации, артефактом «Древнего» Египта являются гигантские (более 140 метров) пирамиды (Хеопса, Тети), саркофаги, статуи, выполненные не из натурального камня, а искусственного камня – геополимерного бетона, который был изобретен средневековыми алхимиками не раньше XIV века. Недавно изобретение средневековых алхимиков было заново открыто

французским ученым – химиком, профессором Бернского университета Джозефом (Иосифом) Давидовичем, основавшим в 1972 году во Франции частную исследовательскую компанию CORDI, а в 1979 – институт геополимеров, ему также принадлежит открытие новой отрасли прикладной химии-геополимеризации. В результате геополимеризации создается бетон, практически неотличимый от некоторых каменных пород. Бетон – это искусственный камень, получаемый из измельченной и специально подготовленной горной породы. Он может быть мягким, как песчаник, из которого построены пирамиды, его можно легко расковырять перочинным ножиком, а может быть твердым, как гранит или диорит (при этом практически неотличим от них).

Профессор Д. Давидович утверждает, что ему удалось обнаружить в иероглифах на одной из стел эпохи фараона Джосера рецепт приготовления древнего бетона. Если состав пирамид Хеопса и Тети Д.Давидовичу удалось установить, то к голове Большого Сфинкса в 1984 году его не допустило Египетское управление древностей, ссылаясь на то, что его концепция – это его личная точка зрения [19, с. 503-516]. Без идеологии, конечно, здесь не обошлось.

Но, насколько всем известно, идеологическим, ценностно-нагруженным изначально является социогуманитарное, а не естественнонаучное знание. Зачем математикам и химикам обращаться к истории? Они же не идеологические работники, а поборники истины. Какую практическую выгоду могут иметь математики А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский, установив, что все даты на египетских зодиаках средневековые? А что дает нам знание Новой хронологии, взгляда Другого? Для ученых – это призыв быть верными истине, научным принципам, а не идеологическим конструкциям. А для этого необходимо придерживаться принципов социального теоретика. Чтобы как-то противостоять «произволу» идеологии В.В.Ильин предлагает построить «защитный пояс» теории посредством регулятивов – принципов терпимости, условности, аполитичности, антиактивизма и гуманизма. Терпимость предполагает этическую толерантность и здоровый плюрализм, восприимчивость к аргументам и инакомыслию. Условность способствует пониманию относительности собственной позиции и уверенности в возможности более адекватных и правильных решений. Аполитичность означает автономность и самодостаточность, запреты на использование идеологом, мифологом, предрассудков массового, утопического, любого нагруженного сознания. Антиактивизм требует от теоретика объяснений,

а не изменений мира. Амплуа теоретика и практика различны, не следует путать роли. Гуманизм напоминает, что исходным является человек, общество вторично. При всей неисчерпаемости человеческих резервов нельзя делать ставку на подвиг и героизм. Нельзя экзистенциальную ситуацию (подвиг) делать нормой. Норма – это срединный путь (по мудрому замечанию восточных философов) [20]. Для других людей знание Другого взгляда и взгляда Другого позволит развивать критическое мышление, учиться на уроках истории, а зная возможности фальсификации как прошлого, так и настоящего, не стать объектом разного рода манипуляций, марионетками в руках кукловодов, пушечным мясом политиков. Тем более, стоит помнить, что мы живем в визуальной культуре и в мире коммуникативных технологий, а СМИ – давно уже четвертая власть.

Творцами истории сегодня выступают коммуникаторы, которые «делают» (конструируют, создают) новости, а вместе с ними и историю. В такой ситуации бдительность никому не помешает.

Литература

- 1 Методология истории / под ред. А.Н. Алеева и др. – Минск, 1996. – 240 с.
- 2 Секацкий А.К. Онтология лжи. – СПб., 2000. – 120 с.
- 3 Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С.158-230
- 4 Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 392-400
- 5 Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
- 6 Нуржанов Б.Г. Окулоцентризм западной культуры и философии // Вестник КазНУ. Серия Философия. Серия культурология. Серия политология. – 2011. – № 2. – С.103-106
- 7 Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк//Философия истории: Антология. – М.: Аспект-Пресс, 1995.–С.3-19.
- 8 Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
- 9 Соллерс Ф. Казанова Великолепный. – М.: КоЛиБри, 2007. – 232 с.
- 10 Лепетухин Н.В.Совесь войны // Кунц К. Совесь нацистов. – М.: Ладомир, 2007. – С. 5-20.
- 11 Нуржанов Б.Г., Ержанова А.М. Культурология в новом ключе. – Алматы, 2011. – 372 с.
- 12 Касымжанов А.Х.Портреты: Штрихи к истории Степи. Вып.1. – Алматы, 1995. – 123 с.
- 13 Портреты. Степь глазами извне. От Геродота до Гумбольдта / под ред. А.Х. Касымжанова. – Алматы, 2000. – 148 с.
- 14 Сергейчик Е.М. Философия истории. – СПб., 2002. – 608 с.
- 15 Румянцева Е.А. На пути к взаимопониманию: соционика – учителям и родителям. – М., 2002. – 256 с.
- 16 Нюхтилин В. Мелхиседек. Книга1. – СПб.: Мир, 2006. – 288 с.
- 17 Ходаковский Н. Спираль времени, или будущее, которое уже было. – М., 2000. – 315 с.
- 18 Фоменко А.Т. 400 лет обмана. Математика позволяет заглянуть в прошлое. – М., 2007.– 350 с.
- 19 Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Египта. – М., 2007. – 558 с.
- 20 Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. – М., 1994. – 136 с.

Г.Х. Мәмешева, А.А. Мусалин

Тарих: Басқа көзқарас және Басқаның көзқарасы

Мақалада тарих Басқа көзқарас және Басқаның көзқарасы арқылы қаралады. Басқа, көзқарас, тарих ұғымдары ашып қарастырылады. Ф. Ницшенің монументалды, сыни және антикварлық тарихы, Басқаның классикалық және постклассикалық концепттері, батыс рационализмінің окулоцентризм теориясы беріледі. Осы теориялар мен ұғымдар арқылы Дала тарихының орны, жаңа хронология, әлеуметтік теоретик қағидалары анықталады. Егер Басқа көзқарас тарихтағы шынайы/шынайы емес, тарих/әдебиет, сыртқы/ішкі мәселелерді қозғаса, онда Басқаның көзқарасы – бұл жаңа/дәстүрлік хронологияның, тарихшы/философтың, логика/сенсорика диалогы.

G. Myamesheva, A. Mussalin

History : Another look and look of the Other

In the article the story is seen through the prism of a different view and the gaze of the Other. Reveals the history of the concept, look, on the other. We give the concept of monumental, antiquarian and critical history of Friedrich Nietzsche. Revealed the classical and post-classical concepts of the Other, the theory of okulotsentrizma Western rationalism. Through these theories and concepts of the story is positioned Barrens, a new chronology, the principles of social theorist. Another view of the problem affects the reliable /unreliable in history, the history / literature, external / internal. Looking the Other – a dialogue of the new / traditional chronology, the historian / philosopher, logic / sensing.